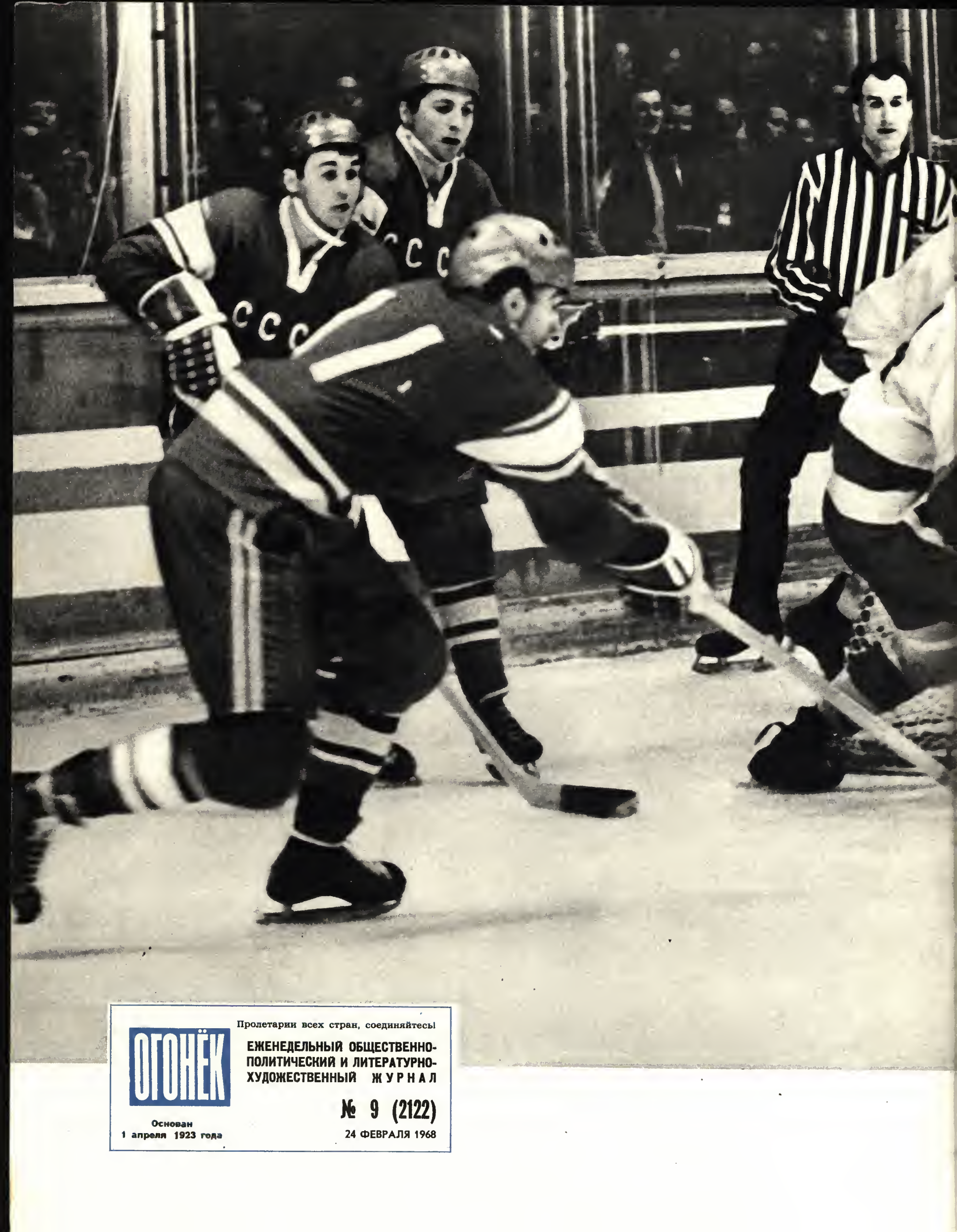

ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 9 (2122)

Основан 1 апреля 1923 года

24 ФЕВРАЛЯ 1968

ры, зашевелились стволы «универсалов» — немцы и полиция заняли оборону. На окраинах местечка усилили посты. В Гомель и Новозыбков полетели тревожные донесения...

А утром начальник полиции, которому здорово влетело от немецкого коменданта за ложную тревогу, снова арестовал Андрея — он был на подозрении еще с осени. Опять кулаки в кожаных перчатках. Опять:

— Ты стрелял?

— Не я.

— Врешь! Я из тебя правду выбью, щенок!..

И опять после десяти дней допросов Андрея выпустили за отсутствием доказательств.

А на дворе уже вовсю бушевала весна. Орали грачи, устраиваясь на летних квартирах. Вверх, к солнцу, била трава из оттаявшей земли. И лес, казавшийся зимой мертвым и страшным, стоял теперь весь в брызгах первой зелени и манил к себе...

На двадцать четвертое мая Андрей, Витя, Коля и Миша назначили побег в лес. Чтоб не привлекать внимания, решили уйти из

местечка по двое, а потом встретиться в лесу, на берегу Лесового озера, что лежит неподалеку от Злынки. Условный сигнал — бросить в воду камень и ждать такого же ответа.

Было около полуночи, когда Андрей и Витя добрались до берега Лесового. Осторожно сложили в кустах вещевые мешки, порядком оттянувшие плечи (в мешках лежали патроны). Прислушались. Вода в озере так и кипела от всплесков. В лунном свете было отчетливо видно, как по поверхности расходились серебряные круги.

— Тьфу ты, черт! — свирепо сплюнул Витя.— Гляди, карп разыгрался. Не расслышишь, где камень, а где рыба!..

— Тихо, ты! — отозвался Андрей.— Камень-то совсем по-другому шлепает! Бросай!..

Витя швырнул в воду заранее припасенный булыжник. Всплеск действительно получился совсем непохожим на рыбий: глухой, с бульканьем. И в ответ тотчас послышался еще один такой же всплеск. Потом раздался тихий свист, и из кустов вышли Коля Панов и Миша Говядин. Все были в сборе...

Теперь оставалось главное: найти партизан. Сутки и другие беглецы просто проходили по лесу, исследуя самые глухие урочища. Ничего. Решили попытать счастья в подлесных селах, куда, по слухам, часто заглядывали партизаны. Расспрашивали:

— Как, тетя, партизаны у вас бывают?

— А кто их знает... Проходят какие-то оруженные. Чи немцы, чи партизаны — не ведаем.

— Когда проходят-то хоть?

— Не ведаю, милок... Да зачем тебе? Ты ж поесть попросил, а сам все про партизан выспрашиваешь!

На четвертый день на лесном проселке встретили знакомую из Злынки.

— Э-эх, милые, что ж вы наробили-то!..— запричитала она.— Да ведь всю вашу родню как есть в комендатуру забрали. В Новозыбков повезли... Теперь расстреляют, ндолы.

Ребята свернули в чащу и расселись под деревьями. Все четверо подавленно молчали. Так, значит, немцы все-таки догадались... Теперь добра не жди.

— Что хотите, хлопцы, а я не могу,— не выдержал наконец Миша.— Пойду в Злынку, скажу немцам: мол, по своей воле ушел. Меня и казните...

— Подожди, дура,— прервал его Коля.— Да ты понимаешь, что говоришь? Ну, придешь ты, ну, расскажешь... И что? Своих не спасешь, а сам погибнешь... Тут надо придумать, чтоб немца обмануть и самому в живых остаться.

— А что, если сказать, нас, мол, партизаны схватили? — сказал Андрей.— Троих забрали, а один убежал... А ну, как поверят?!

На том и порешили... Миша отдал Андрею свой обрез, шапку. Для вящего правдоподобия ему прострелили пиджак.

— Вот теперь иди... Да не забудь, что говорить надо!

Миша, не отвечая, пожал товарищам руки и зашагал прочь...

Много позже, уже когда Андрей попал в отряд, он узнал: хитрость удалась, немцы поверили, что партизаны их увели силой, и выпустили родных...

К вечеру седьмого дня скитаний трое усталых, изголодавшихся мальчишек прибрели в лесной поселок Воронова Гута. Сидя на завалинке хаты, они ели хлеб, вынесенный сердобольной хозяйкой, и запивали его молоком из глиняного глечика. Вздыхали. В голову лезли грустные мысли: «Что же делать дальше? Сколько еще придется скитаться, пока найдешь партизан? Да и найдешь ли их?»

Андрей первым заметил трех вершников, которые шагом выехали из лесу. На шапках мелькнули знакомые красные лычки.

— Партизаны!

Это были разведчики нашего партизанского соединения дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова...

...Раскачиваясь и громыхая, мчит паровоз. Жаром пышет топка. Тоненькая черная стрелка скоростемера дрожит на восьмидесяти. Мимо узкого окошка, у которого сидит Андрей, сплошной неровной полосой бежит назад лес.

Потом, когда в диспетчерской будет расшифрована лента, извлеченная из прибора-самописца, на стол начальника Ковельского депо Михаила Григорьевича Таракана ляжет очередная рапортичка. В ней, как и всегда, будет сказано, что машинист Григорьев на паровозе Л21-11 во время движения на плече Ковель — Ягодин в точности выполнил график, без отклонений выдержал заданную скорость и что вообще все было нормально, никаких происшествий не произошло... Так оно и должно быть у классного машиниста.

Но, разумеется, диспетчер не отметит в рапортичке, что участок Ковель — Ягодин для машиниста Григорьева не просто отрезок стальной магистрали от основного до оборотного депо. Не просто плечо, как говорят железнодорожники. Да и мне в шумном дыхании цилиндров слышится: здесь-здесь, здесь-здесь, здесь-здесь...

Из-под колес посыпался перезвон стрелок. Мелькнула на перроне красная фуражка дежурного. Станция Мацеев. Андрей повернул ко мне взволнованное лицо. Оно показалось мне необыкновенно молодым, тем самым, что я видел еще двадцать с лишним лет назад. И я скорее догадался, чем услышал приглушенное грохотом паровоза слово:

— Здесь!

Я открыл узкую дверцу и выглянул наружу. Нет, не узнать тех мест. Да и не приходилось мне на них смотреть с высоты паровоза. В то далекое время, когда мы с Андреем бродили в этих лесах, железная дорога таила в себе грозную опасность. Мы шли к ней осторожно, бесшумно. Прежде чем выйти с миной на полотно, долго высматривали из кустов, нет ли вражеской засады, не идет ли патруль...

Но Андрей-то, конечно, это место знает отлично. Не только потому, что вот уж семнадцать лет водит тут поезда, а еще раньше, до того как стал машинистом, поездил главным кондуктором.

Здесь, недалеко от Мацеева, Андрей Григорьев принимал участие в первом на этой линии взрыве вражеского эшелона. Было это летом сорок третьего. Наше партизанское соединение вышло в район Ковельского железнодорожного узла. Батальон под командованием Петра Андреевича Маркова, в котором был Андрей, получил задачу обойти Ковель с запада и закрыть или нарушить движение поездов на линии Ковель — Ягодин...

За год партизанской жизни Андрей здорово изменился. Исчез прежний нескладный мальчишка. Он возмужал и окреп, побывал во многих боях, участвовал в диверсиях на железных дорогах. Уже давно стал первым номером ручного пулемета. А незадолго до прихода под Ковель комсомольцы второй роты выбрали его комсоргом... Можно сказать, прежним остался только костюм — кургузый пиджачок да черная сатиновая рубаха, чуть живая от ветхости. А ботинки не вынесли трудных партизанских походов. Их пришлось выбросить. И лето Андрей ходил босиком.

Диверсионная группа Михаила Ласого вышла к железной дороге незадолго до рассвета. Андрей замаскировал пулемет, повытаскивал из ног занозы и колючки, набившиеся во время ночного марша, и, положив палец на спусковой крючок, с удовольствием вытянулся.

Командир группы, как и всегда у «железки», запретил шевелиться, разговаривать и курить.

Прошел патруль, громыхая по шпалам коваными сапогами. За ним по линии промчалась дрезина. Немцы, сидящие на ней, время от времени постреливали из пулемета. Пули, щелкая по веткам, просвистели над головами партизан.

— Ну, Леня,— прошептал Андрей своему второму номеру Петухову.— Видать, непростой поезд пройдет!

За поворотом раздался гудок. Андрей видел, как, пригибаясь, метнулись к линии подрывники Иван Воронов и Саша Федоров. Вот они на линии. Секунда-другая — и уже бегут назад, разматывая за собой шнур... И тут же из-за поворота показалась черная громада паровоза. За ним — классные вагоны...

— Ого! — возбужденно шепнул Петухов.— Начальство едет!

Под колесами паровоза сверкнуло багровое пламя. Ударило. Заскрежетало. Вагоны, становясь на дыбы, полезли друг на дружку. И тотчас, перекрывая шум, грохот, крики, истошные вопли зажатых обломками фашистов, донеслась команда Ласого:

— Огонь!..

Позже разведка донесла, что группа Ласого взорвала эшелон, в котором ехали гитлеровские старшие офицеры-отпускники, возвращавшиеся на фронт.

И вот ныне, спустя двадцать с лишним лет, мы с Андреем Григорьевым вновь проезжаем по этим местам...

До рези в глазах всматриваюсь я в летящие назад кусты и деревья... Вот подходящая сосенка... Здесь? Или под той густой лещиной?.. Ведь и она росла тут в далекие партизанские времена. Андрей снова на мгновение поворачивает ко мне голову, отрывает взгляд от полотна и вздыхает:

— Миновали... Эх и лес тут! Чего не перевидал!..

Да, много видел этот лес, в который ныне, ничего не боясь, ребятишки ходят по грибы...

Темными ночами бродили в нем партизаны. Пересвистывались фашистские солдаты, цепи которых прочесывали лесные чащи в поисках партизанских стоянок... Видел этот лес, непроходимое горе, видел смерть, видел и победы. Победы партизан — быстрые, злые уколы в самые чувствительные места вражьего тыла. Эти партизанские победы творили такие, как Андрей, простые люди, которые и мечтали вовсе не о войне и не о ратной славе. И во вздохе Андрея чудится мне радость, оттого что стал этот лес мирным.

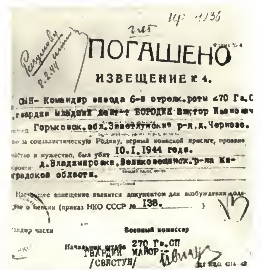
Поездка подходила к концу. Вот-вот покажется входной светофор Ковеля.

— Зеленый на входе! — доложил помощник.

— Вижу зеленый! — откликнулся Андрей.

Рейс окончен. Андрей отогнал локомотив на экипировку, сдал его сменщикам, взял свою «шарманку» — традиционный чемоданчик машиниста, и мы зашагали из депо домой.

Завтра снова в рейс, на Ягодин или на Сарны, а может, и на Киверцы. В рейс по знакомому плечу. По одному из тех, на которых прошла партизанская молодость, а теперь идет трудовая жизнь Андрея Григорьева.

ПОГАШЕНО

ИЗВЕЩЕНИЕ № 4.

СЫН — Командир взвода 6-й стрелк. роты 270 Гв. С[П] гвардии младший лейт-т БОРОДИН Виктор Иванович

Горьковск. обл. Заветлужский р-н, д. Черново.

...за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив ...йство и мужество, был убит 10.I.1944 года.

...д. Владимировка, Великовисковск. р-на Кировоградской области.

Настоящее извещение является документом для возбуждения хода... о пенсии (приказ НКО СССР № 138.)

...мандир части Военный комиссар

Начальник штаба 270 Гв. СП
ГВАРДИИ МАЙОР
/СВИСТУН/

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

В январе 1944 года в деревню Черново, что на Ветлуге, пришла похоронная. Не первая и не последняя в этом селе. Но в семье Ивана Васильевича Бородина, счетовода колхоза,— первая. Серый, шероховатый листок бумаги извещал, что его сын, гвардии младший лейтенант Бородин Виктор Иванович, командир стрелкового взвода 270-го полка, уроженец Горьковской области, в бою за социалистическую Родину... был убит 10 января 1944 года. Тут же сообщалось: «Похоронен д. Владимировка, Великовисковск. р-на, Кировоградской области».

С тех пор прошло много лет — двадцать четвертый раз вступил на землю студеный вьюжный январь. Наш «газик», подпрыгивая, катится среди развороченных бульдозерами сугробов. Мы едем во Владимировку, в ту самую, под Кировоградом. Наш спутник неразговорчив, и Анна Павловна Медведева, секретарь райкома партии, тщетно пытается его расшевелить. Уткнулся в поднятый воротник и бережно, будто хочет согреть ладонями, держит пакет: три веточки сирени и три алые гвоздики. Он долго выбирал их в оранжерее Кировограда, просил, чтоб срезали самые лучшие, самые красивые. Часом позже, когда приехали во Владимировку, он положил цветы на постамент памятника, что стоит на братской могиле у школы. У собственной могилы стоял человек. Фамилия его — Бородин. Имя, отчество — Виктор Иванович. Как сообщалось в извещении, наш спутник должен был быть похоронен здесь, рядом с солдатами и офицерами, сложившими свои головы в боях за Владимировку.

...В полевом госпитале, куда попал комвзвода после боя, лежал знакомый офицер, однополчанин. Он сказал, что все считают его, Виктора Бородина, погибшим, что на него послана домой похоронная.

Позже стали известны подробности трагедии, случившейся во Владимировке. И напоминанием потомкам, чтоб не забывали о зверствах фашистов, звучат сегодня гневные рассказы свидетелей той трагедии.

...Прасковья Гордеевна Гнатенко. Старая колхозница. Ее белая, с ярко-зелеными ставнями хата стоит на месте, где немцы вершили свое черное дело.

— Колы глянула я в викно, бачу — наши бийцы тягнут самотужкой повну-повну гарбу нимецьких мертвяков. Поличила — сорок висим людей запряжено. Гонять их далеко — в Пятую Ивановку.

Там, оказывается, хоронили фашистов, убитых в схватке с гвардейцами. Потом пленных снова пригнали во Владимировку, к хате Гнатенко. Распахнув дверь, фашист скомандовал: «Мамка — вег, киндер — вег, вещ — вег!» Схватил хозяйку за пальто и толкнул в коридор. Тут один пленный попросил: «Дай, тетушка, воды попить». Только набрала женщина воды в кружку, как гитлеровец стукнул прикладом по руке.

— Вон знак...

Прасковья Гордеевна протягивает Бородину руку, изуродованную шрамом. Бородин гладит эту руку. Он сидит на низенькой скамеечке у ног Прасковьи Гордеевны. Так когда-то мальчиком сидел он у ног своей матери, которой уже нет на свете, и слушал сказки. Теперь эта женщина, которой он раньше никогда не видел и не знал, стала вдруг близкой ему, как мать. Только рассказывала она не сказку, а страшную быль из своей и его жизни, из жизни его фронтовых товарищей.

Двое суток черным смрадным огнем коптила хата. Кричали и стонали в ней люди, и никто к ним не мог подойти. По краю балки — танки. Вокруг хаты — с автоматами наготове немцы. Потом танки подошли к хате и свалили несгоревшие, из самана, стены. И все же нескольким пленным удалось бежать. Троих видела Прасковья Гордеевна. Двое сидели у нее в «бландаже» — так она называла яму, выкопанную в саду для картофеля. Сейчас на этом месте летняя кухонька и шатер из камыша. Третий хоронился в погребе. Прасковья Гордеевна носила им воду и еду. Четвертого беглеца, звали его Гришей, спасла Марфа Коваленко: он бежал из Пятой Ивановки, когда его вели в колонне пленных. Не его ли имел в виду Иван Ефимович Куц из Полтавской области, однополчанин Бородина? В своем письме юным следопытам школы во Владимировке он писал: «Один из пленных, молодой солдат примерно 17 лет, сбежал. Где-то прятался в подполье у местных жителей. Потом возвратился к нам в роту. Фамилию его не помню. Жив он или нет, мне неизвестно».

Или Куц имел в виду другого солдата, того, которого выходила колхозница Елизавета Бойченко? Тот тоже был очень молод. «Как звать, не запомнила, не по-нашему, узбек он был. Убежал от немцев разутый и раздетый. Я дала ему одежду, картуз и куртку. Сидел в погребе до прихода наших».

В одной из своих статей, опубликованных в Кировограде в 1945 году, генерал-майор Серюгин, командир 89-й дивизии, в которой служил Бородин, упоминал о подвиге гвардейцев. Он писал, что, оказавшись отрезанными, в кольце смерти, они не дрогнули: «Двенадцать

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

К 50-ЛЕТИЮ
ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА

«За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих мы заплатили красотой». Многое должен увидеть, а главное, ПЕРЕЖИТЬ вместе со своим народом, своим веком поэт, чтобы в его сердце родились эти мудрые, чеканные строки. Где, когда, на каких дорогах жизни повстречался Василий Федоров впервые с красотой? Поиски ответа на этот вопрос приведут нас в затерявшуюся где-то в Сибири, в суровом таежном краю, деревню Марьевку. «Сибиряк, я рос в лесном краю, где текут Иртыш, и Обь, и Лена».

В Марьевке юный поэт почувствовал не только красоту чудесной сибирской природы. Здесь перед ним раскрылась самая дорогая и прекрасная в мире красота — красота душ сильных, ярких народных характеров.

Потом деревенский паренек стал рабочим человеком. В Отечественную войну мастер военного завода в Сибири Василий Федоров начал печатать свои стихи.

Я давно знаю и люблю этого поэта. Его стихи и поэмы по силе драматизма, образности, эмоциональной напряженности более всего созвучны эпическому дыханию шолоховской прозы. Со своими думами о судьбах России, о «земной» и «вечной» красоте, о нашем прекрасном и тревожном веке Василию Федорову тесно в строках лирического стихотворения. Он блестящий и признанный мастер поэм, художник ярко выраженного эпического склада. Достаточно вспомнить такие широко известные читателю поэмы, как «Проданная Венера», «Золотая жила», «Бетховен». Недавно Василий Федоров читал в кругу друзей эпилог своей новой романической поэмы «Седьмое небо». Сегодня для поэта это, бесспорно, его главная книга. Кто знает, сколько тревожных дней и бессонных ночей отдал он своему любимому детищу! Вспомним, что первые главы «Седьмого неба» были напечатаны еще в 1959 году.

Наше быстротекущее, стремительное время наложило свою незримую печать на

Прасковья Гордиевна Гнатенко и Виктор Иванович Бородин.

Фото Ф. Плахтия, фотокорреспондента районной газеты «Заря коммунизма».

долгих часов немцы не могли сломить их сопротивление, и после того, как боеприпасы кончились, враг жестоко расправился с оставшимися в живых. Подвиг их бессмертен!»

Такова трагическая участь товарищей Бородина по оружию, участь, которая чуть было не постигла и его.

— Я во Владимировке как бы родился во второй раз, живу, так сказать, сверх плана. И теперь нет на земле места для меня более дорогого, чем ваше украинское село.

Так он сказал перед всеми людьми Владимировки на собрании в переполненном клубе колхоза имени Куйбышева и низко, до земли поклонился им. За своих товарищей, за себя.

Владимировцы хлебом-солью встречали человека с далекой русской реки, который освобождал их родное село и отдал за это свое здоровье. Всем миром решили они присвоить ему звание Почетного гражданина Владимировки и пригласили приезжать почаще, просто когда вздумается, как и положено родному и родным.

* * *

Бородин долго лежал в госпиталях, потом вернулся в часть. Войну закончил в Чехословакии. Затем работал в Горьковской области в органах охраны общественного порядка. С 1953 года по инвалидности вследствие ранения ушел на пенсию. Освоил новую профессию — стал фотографировать. Успешно участвовал во многих фотоконкурсах центральных газет. Последние годы В. И. Бородин — внештатный фотокорреспондент «Правды» по Горьковской области.

поэтический почерк Федорова. Масштабные по философским раздумьям, его стихи предельно лаконичны и афористичны. Глубина мысли сочетается в них с подлинным «половодьем чувств», столь характерным для поэзии Федорова. В его стихах мы слышим то голос юности, влюбленной в жизнь, полный романтического одухотворения, дерзаний, мечты о прекрасном, то голос поэта-пророка, поэта-гражданина, обращенный к своим соотечественникам. От нежных, задушевных интонаций до трагедийных нот, от мягкой, светлой иронии, озорного, с усмешкой юмора и лукавства до гневных сатирических тирад — таков диапазон чувств поэзии Василия Федорова.

Многие его стихи звучат сурово, а порой и тревожно-трагически. Поэт как бы хочет сказать нам, читателям: не забывайте, помните всегда — все, что мы утвердили на земле нашей Родины,— все это результат титанических усилий народа. Ради светлого будущего человечества шел наш народ на великие жертвы и лишения; шел сознательно, с величайшей гордостью за свою социалистическую Отчизну.

Наше время такое:
Живем от борьбы до борьбы.
Мы не знаем покоя —
То в поту,
То в крови наши лбы.

Да, далеко «не просто в мире первыми быть» и сегодня и завтра. Ведь мир этот «еще несовершенен» и «все еще кипит враждой».

Для Василия Федорова, как поэта, характерно чувство высочайшей ЛИЧНОЙ ответственности за все несовершенства мира. Он убежден твердо: «Поэт не может быть счастливым в тревожные для мира дни». В его стихах мы всегда ощущаем этот высочайший пафос гражданственности. Сколько его в таких человечных и тревожных книгах поэта, как «Третьи петухи» или «Второй огонь»!

Наш современник — главный герой поэзии Василия Федорова — прост и мудр, как сама жизнь. Его касается и дело одного двора и судьбы всей Вселенной. Он ведет с вами удивительно откровенный и задушевный разговор. Он умеет по-настоящему любить. Слушая исповедь его мужественного и нежного сердца, полного доброты к людям, вы начинаете чувствовать, как светлеет у вас на душе, окружающий мир приобретает новые очертания и краски. Таковы герои поэм Василия Федорова, таков лирический герой его «Книги любви». «По тому, как людям любится, здоровье мира узнают»,— справедливо замечает поэт.

Далеко не сразу овладел поэт высотами мастерства. Он изведал и горечь неудач и минуты сомнений. Нелегким и непротоптанным был его путь.

Когда-то молодой поэт страстно мечтал о том, чтобы его стихи быстрее научились говорить с другими:

Возьмите от меня
терпенья впрок,
К другим идите
И стучитесь в душу.

Сегодня эта мечта осуществилась.

Поэзия Василия Федорова вся наполнена дыханием нашего времени.

Есть что-то символическое в том, что именно в те годы, когда перед всей нашей страной открываются широкие просторы земли сибирской, Сибирь выдвигает своего замечательного поэта, голос которого слышит сегодня вся страна и который в такой отличной «боевой форме» встречает свое пятидесятилетие.

Юрий ПРОКУШЕВ

СТО ТЫСЯЧ «ПОЧЕМУ?»

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА

«Итальянская бронзовая медаль с изображением Карла Маркса и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» была найдена в земле одним жителем города Барнаула лет двадцать тому назад. Она, как видно, очень редкая. Хотелось бы что-либо узнать, когда и кем она сделана»,— написал нам житель Барнаула В. А. Санаров.

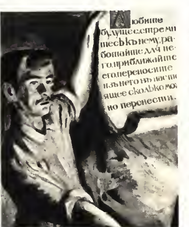
Его просьбу мы направили в Ленинград, хранителю отделения медалей Государственного Эрмитажа кандидату искусствоведения Е. С. Щукиной. Она сообщила: «Эта медаль выпущена в Италии в конце прошлого века. Аналогичная ей медаль имеется в собрании Эрмитажа. На ней такой же, только повернутый в другую сторону, портрет Карла Маркса и тот же международный лозунг на итальянском языке. Под изображением подпись автора медали — Донзелли. На оборотной стороне изображен рабочий у наковальни, а по сторонам его надписи: «8-часовой рабочий день» и «1 мая». Сравнивая медаль, найденную в Сибири, и эрмитажную, можно предположить, что их автор один и тот же — миланский мастер Донзелли. Он мало известен, о нем нет почти никаких сведений в специальной литературе. Для нас маленькие медали — размер эрмитажной двадцать семь миллиметров в диаметре — особенно ценны тем, что на них впервые в медальерном искусстве запечатлен облик великого основоположника научного коммунизма».

Фото В. Санарова.

ПЛАКАТ 1905 ГОДА

«В Москве мы были на выставке первых советских плакатов, открытой в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Сила воздействия этих плакатов потрясающа. У нас возник вопрос: были ли революционные плакаты раньше, когда рабочие боролись с царским самодержавием?» На этот вопрос попросили нас ответить А. и Т. Лебедевы из города Днепропетровска.

К этому времени нам прислал из города Горького свои интересные воспоминания доктор исторических наук профессор Николай Михайлович Добротвор. «Мой отец был переплетчиком в Туле,— пишет он.— В 1905 году ему принесли

несколько сот листов, на которых был изображен в красках молодой рабочий с горящим факелом в одной руке и листом с призывными словами в другой. Это были слова из романа Н. Г. Чернышевского: «Любите будущее, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее сколько можно перенести». Такой был революционный плакат того времени. Внизу еле разборчивая пометка: «905». Плакат был напечатан в московской литографии товарищества «Владимир Чичерин», которая находилась в Марьиной Роще.

Мой отец должен был наклеить принесенные плакаты на коленкор и приделать к ним на тесемках колечки, так как плакаты тогда не расклеивали, а развешивали на стенах. После работы у отца осталось несколько плакатов, и один из них он подарил мне».

МОРСКИЕ ЖЕЛУДИ

«Сам я с Поволжья. Приехав на Курильские острова, однажды увидел на песчаном морском берегу какие-то белые цветы, крепко приросшие к поплавку от рыболовной сети. Что это такое, объясните, пожалуйста»,— просит читатель В. Самарин из Южно-Курильского района Сахалинской области.

Это письмо мы вручили доктору биологических наук профессору Московского государственного университета Евгению Владимировичу Боруцкому. Он сказал: «Заинтересовавшие читателя «цветы» есть не что иное, как морские желуди. Это ракообразные животные; они прикрепляются к подводным скалам, поверхностям гидротехнических сооружений, днищам кораблей; их находят на рыболовецких сетях и на коже китов. Морские желуди обитают не только в Тихом океане, они встречаются в Черном и Азовском морях, а недавно проникли в Каспийское море».

Фото Н. Потылицына.

НАХОДКЕ 50 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

«В дереене Большие Коиюшаны, Лидского района, Гродненской области, в меловом отложении на глубине пяти метров найдена окаменевшая раковина. Сохранив свою стройную форму, она словно погрузилась в камень. Ее передали в краеведческий уголок Конюшанской средней школы»,— делится своей новостью читатель И. М. Радюкевич из Белоруссии.

С этой находкой ознакомился старший научный сотрудник Палеонтологического института Академии наук СССР кандидат биологических наук Роман Львович Мерилни. Он ответил: «Найденная окаменевшая раковина двустворчатого моллюска оказалась в отличном состоянии, чем она и привлекает внимание. Моллюск этот жил в меловой период, не менее чем пятьдесят миллионов лет назад. Вероятно, там, где он найден, простиралось в то очень далекое время теплое, тропическое море».

Фото И. М. Радюкевича.

КАМЕННЫЙ ТОПОРИК

«Как-то я пришел к своему соседу и увидел необычное грузило на ведре. Сосед рассказал мне, что еще около тридцати лет назад ему привезли гравий, в котором он обнаружил эту каменную вещицу. Я попросил отдать ее мне, а затем находку отвез в Гродненский историко-археологический музей. Здесь определили, что это топорик каменного века» — такую новость сообщил нам читатель А. М. Ляхович из местечка Поречье Гродненской области.

«Найденный предмет,— сказал научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР Павел Михайлович Кожин,— действительно каменный топорик, относится он к позднему каменному веку и началу эпохи бронзы, то есть он был сделан около четырех тысяч лет назад. Такие топорики жители того времени употребляли как боевое оружие».

Фото А. Ляховича.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

«Находясь в экспедиции в Приморском крае, я увидела эти грибы, удивительно похожие своей формой на цветки. Я не знаю, как они называются»,— поделилась с нами своим впечатлением читательница А. Скрябина из города Кирова.

Мы направили это письмо на кафедру низших растений биолого-почвенного факультета Московского государственного университета. Нам ответила кандидат биологических наук Л. В. Гарибова: «Эти грибы, близкие к широко известным дождевикам, называются земляные звездочки».

Фото А. Скрябиной.

БЕЛЫЙ ЁЖ

«Раньше я никогда не видел белого ежа, но вот теперь довелось мне даже сфотографировать его,— сообщил читатель Э. Н. Ким из города Кизыл-Арвата Туркменской ССР.— Удивило нас то, что белый еж зло относился к нам, по ночам плакал, как ребенок, ловко прыгал и сам лез в драку».

Письмо прочитала по нашей просьбе научная сотрудница Зоологического музея Московского государственного университета Маргарита Владимировна Васильева. Она сказала: «Обычно длинноиглый еж имеет темную окраску, но этот экземпляр почти белый — альбинос. В природе альбиносы встречаются редко, поэтому найденный еж представляет интерес. Хотя длинноиглый еж более зол и агрессивен, чем ежи других видов, но его все же легко приручить и можно держать дома».

Фото Э. Кима.

ПОЧЕМУ КОЗОДОЙ?

«Мы знаем птицу, которая называется довольно странно: козодой. Откуда пошло это название?» — спрашивает нас молодая читательница О. Сергеева из Томска.

Мы попросили работающего в Узбекистане кандидата биологических наук Афанасия Петровича Лесияка ответить О. Сергеевой. «В самом деле, почему многочисленный отряд птиц называется козодоями, а в Средней Азии это же название укрепилось за ящерицей — степной агамой, которую зовут «сосущей коз»? Справедливо ли это? Нет.

Дурная слава за этими птицами и за степной агамой идет с древнейших пор. Дело в том, что птицы козодои кормятся по ночам на выгонах, где пасется скот и где много вредных насекомых. Козодои уничтожают их в больших количествах, чем приносят пользу сельскому хозяйству. Агамы же — безобидные ящерицы, обитающие поблизости от скотных дворов. Когда случалась беда — пропадало почему-либо молоко у животных,— то вину возлагали на порхающих около скота птиц козодоев и на агам. Так и произошло обидное поверье, что птицы и ящерицы доят коз».

Фото А. Лесияка.

РОВЕСНИКАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Дочь известного белорусского пейзажиста Владимира Николаевича Кудревича Раиса Владимировна росла в обстановке преданности искусству, любви к нему. И, может быть, поэтому с юных лет так точно она определила для себя направление в живописи, основную тему и героев. Молодая художница выбрала жанровую картину, жизнь современной деревни, герои ее — колхозная молодежь.

В годы Отечественной войны ее произведения «Хлеб — партизанам», «Мы отомстим» наполнены мужественной решимостью. А содержание композиций двух последних десятилетий — это радость. Радость девушки, возвращающейся с фронта,— «В родной колхоз». Радость молодости в ожидании веселого вечера — «Гармонист идет». Увлеченность задорной музыкой, поэзия юности — в картине «Белорусские припевки».

...Голубоватый зимний вечер за окном. В клубе тепло. На девушках накрахмаленные белые кофты и фартуки, цветные юбки. Скоро репетиция. Но не дождаться ее — так хочется скорее петь и плясать. И девушка, переполненная своим счастьем, запела. Радость свободно разлилась в легкой, раскованной, изящно построенной живописной композиции — «Перед репетицией».

Раиса Кудревич пишет портреты и пейзажи и всегда в них привносит лирическую ноту собственного отношения, чувства.

Есть и еще интересная грань в творчестве художницы — это произведения общественного звучания: «Николай Островский», «Аппассионата»,— которые она создает вместе с живописцем А. С. Гугелем.

Сейчас оба художника снова вернулись к теме «Аппассионаты». Пишут новый вариант картины, ищут более выразительное решение.

— Столько тем, столько тем!— говорит Раиса Владимировна.— Начала работать над композицией «Земля родная». Военные годы. Мчится санитарный поезд. На подножке вагона девушка-санитарка пристально всматривается в мелькающую родную деревню, где оборвалась ее юность, откуда уехала она на фронт защищать Родину. В этой картине я снова со своей самой любимой героиней, моей ровесницей, чья молодость совпала с войной.

Еще у меня готов эскиз будущей картины «Майский дождь», посвященной нынешней молодежи села...

В последние годы я много путешествовала, была во многих городах Европы. Во время поездок все время работала. Увлеклась графикой и теперь осваиваю новую для меня технику — монотипию, в которую перевожу свои путевые зарисовки.

Н. АНДРЕЕВА

ИМЕННО СВОЙ...

«Вечер на холме»... Смотрю и слышу журчание родника. Его здесь не видно. Но я уверен: где-то у подножия холма, в тени ветвистых яблонь, он есть. И ни на секунду не умолкает. Родник-свирель без устали извлекает из глубин земли неумирающую дойну. Из глубины веков. И жизни. Журчит говорливо и днем и ночью. В зной и в стужу.

Молдова, земля былинного склада,— край родников. Любящий дорогу мимо родника не пройдет. Остановится. Утолит жажду. Постоит. Очарованный, послушает мудрую дойну. У каждого молдаванина есть свой возлюбленный родник. Элеонора Романеску нашла свой, именно свой, счастливый родник. Нашла, не могла не найти: искала!

Вечер на холме... Холм, дома, сады, люди — все здесь до самого сердца насыщено добрым, горячим южным солнцем. Вглядитесь повнимательней: как щедра и богата, песнеобильна и сказочна земля! И все это от солнца. И от Человека. Поэтому-то и красин какие-то очень умные. И земные. Полотно глубоко национальное. И опять-таки поэтому оно понятно и русскому, и казаху, и украинцу. Оно будто зовет каждого человека, любящего природу и жизнь, дорогу и искусство, в зеленолистую Молдову... Приезжайте — и сами легко убедитесь: да, это край поэзии. И вина. И песен. И широких сердец. Смотрю «Вечер на холме», и думаю, и радуюсь, и волнуюсь, и передо мной встает все, что моему сердцу дорого. И от души поздравляю художника: ее полотно — действительно поэзия, которую видишь.

Петря ДАРИЕНКО

НА ПУТИ К ЦЕЛИ

На первой республиканской художественной выставке «Советская Россия» была показана картина свердловского живописца Игоря Симонова «Литейщики». Она обратила на себя внимание и сделала его имя известным. На картине люди свободно и крепко стоят в просторном цехе, ничто не стесняет свободы их движений. Фигуры вылеплены уверенной, мощной кистью. Основное в композиции — это приподнятость, радость, рожденная результатами труда.

Симонов много времени провел на крупном уральском заводе «Уралмаш», наблюдал за производством, был дружен с металлургами. Отсюда и правда «Литейщиков». В последующие годы появляются новые полотна Симонова: «Цеховая лаборатория», «Реки потекут вспять» и другие композиции. Симонов отлично знает труд уральских рабочих. Одна из картин так и называется — «Мои герои». Рабочие стоят перед этюдником художника в цехе. Они с уважением относятся к труду живописца и умно оценивают произведение искусства.

К 50-летию Октября Симонов создал несколько полотен, и лучшее из них — «Таежные километры». Этой композицией он участвовал на Всесоюзной юбилейной художественной выставке. Сквозь заснеженную, синюю, почти непроходимую тайгу пробивается автоотряд и какому-то жизненно важному объекту. Художник избирает принцип крупноплановой построения, показывая только часть автоколонны, штурмующей тайгу. Он как бы приближает зрителя к своим героям, делая его участником этого штурма. Вместе с тем оттого, что фигуры людей и машины даны крупно, почти полностью заполняя холст, не оставляя места пейзажу, создается впечатление мощи идущей колонны, несокрушимой силы людей.

В узком прорыве между машинами вдали видна остановившаяся из-за затора колонна. Эта часть картины заставляет почувствовать, как плотно одна за другой идут машины и в какой длинный ряд они выстроены. С помощью небольшого заснеженного кусочка земли живописец передает суровость лютой зимы. Композиция полна действия. Движение в ней идет почти параллельно холсту и в то же время несколько из глубины, что подчеркивает тяжесть подъема. Вся группа охвачена общим порывом, лишь один человек устремил свой взгляд прямо на зрителя. Его облик, его взгляд вызывают мысль о том, что там, впереди, еще немало трудностей. В картине «Таежные километры», как когда-то в «Литейщиках», И. Симонов вновь повествует о труде, тяжелом и напряженном, но именно в нем он раскрывает духовную красоту человека, творческую сплоченность, уверенность на пути к цели.

Борис КОЗЛОВСКИЙ,
доктор искусствоведения

ПОВЕСТЬ О СЕВЕРЕ

— Произошло это в селе Разбугнно, Ярославской области,— рассказывает Владимир Федорович Стожаров.— Зашел я как-то в сельский магазин и увидел на стеке репродукцию. Невольно вырвалось: «Это же моя картина!» А народ вокруг смеется: «Как же ты так картину назвал — «Тихий вечер»? Такое придумать может только человек, не знающий деревни. Это же разбугинская мельница. Идет обмолот. Такой грохот — друг друга не услышишь». Хорошим уроком был для меня этот забавный случай.

Стожарову сейчас 42 года. Родился он в Москве, здесь закончил Суриковский институт. Но не случайно художника называют мастером северного пейзажа. Из дальней северной дали Стожаров привозит множество работ — пейзажи и натюрморты, жанровые сцены сельских будней. В своем правдивом живописном повествовании он рассказывает о подлинной красоте.

Первая работа, с которой пейзажист познакомил зрителей на выставке молодых художников в 1954 году, была картина «Игарка», плод долгих поисков, зарисовок в поездках по Северу.

Живописная композиция «Суббота. Баня» и прозаична и сказочна. Сквозь завесу кеенданко крупных хлопьев снега, потеплевшего в предчувствии скорой весны, видны бревенчатые срубы. Молодая женщина выскочила на крыльцо бани, а вдалеке вышагивают домой уже намытые, закутанные ребятишки. Издревле в северных деревнях ведется эта традиция. Суббота — банный день. Всей семьей отогреваются в жарко натопленной бане, ныряют в сугробы, снова парятся до «седьмого пота», а потом, благодушные, усталые, ведут неторопливую беседу за бездонным самоваром.

Эта картина — одна из шести работ, составляющих серию северных пейзажей В. Ф. Стожарова. Все они гармонично дополняют друг друга по колориту и композиционному построению.

Из поездки по Италии живописец привез работы, полные солнца и темперамента. А затем, по возвращении на Родину, снова побывал на любимом им Севере. И теперь хочет сопоставить противоположности — теплую красоту Италии и величавое целомудрие северных пейзажей.

В. КРАМОВА

Василий НОЗДРЕВ

Лесная округа

* * *

Так уж повелось:
желает мать
Вечно сына при себе держать.
Мы же вспоминаем отчий дом
В грозы — под губительным огнем.

Так уж повелось:
сыны — в полет,
Мать покорно их годами ждет.
Вся иссохнет и уходит в ночь.
Жизнь ушедшей
Повторяет дочь.

ИЗБА

Стоит от поселенья в стороне
Изба-старушка, накренившись
набок.
И грезит о далекой старине
Под лай собак и пересуды бабок.

...Глазами окон южной стороны,
Веселая, она на мир смотрела.
И пахло хвоей, золотом сосны
Бревенчатое звонкое тело.

Нутром своим — и печью
и столом —
Она дарила отдых и отраду.
В январский холод берегла тепло,
В жару хранила свежесть
и прохладу.

Жизнь, как река, текла сама
собой.
Сыны росли, мужали и женились.
А беды проходили стороной
И дружной жизни в доме
Сторонились.

И время шло. Семья прошла
зенит
И повернула медленно к закату.
Хотя богато стол еще накрыт,
А дверь скрипит тревожно,
виновато.

И грустно стало детям в тех
местах.
И вот, когда хозяина отпели,
Они осели где-то в городах
При новой жизни и при новом
деле.

И пусть от громкой славы
в стороне
Стоит изба,—
Она-то понимает,
Что дети на далекой целине,
В космической тревожной глубине
Ее над прошлым миром
поднимают.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

От холода мороз по коже,
Во льду деревья и кусты,
Но в роще, на зарю похожи,
Поют клесты, поют клесты.

Легко звенеть в лесной округе,
Когда черемуха в цвету.
Но трудно петь, когда пичуги
От стужи мерзнут на лету.

Легко в сиреневые годы
Звенеть:
мы молоды, в седле!
Но трудно петь, когда природа
С годами гнет тебя к земле.

В любую непогодь, в метели
Бегу за две, за три версты,
Чтобы услышать, как на ели
Поют веселые клесты.

ПОДРАНОК

У камышей, что дремлют чутко,
Воды испуганный глазок.
Там мечется подранок — утка,
Кричит и бьется о ледок.

Взволнованный чужой бедою,
С тропы я повернул туда,
Где синей гладью ледяною
Покрыта стылая вода.

Я подползаю и кромке тонкой —
И пленница в моих руках,
В крови горячей
перепонки,
В глазах черничных
боль и страх.

Глупышка, умирать нам рано,—
Весной нырнешь в лесной ручей.
Пойми, что я, как ты, подранок,
С осколком в ноющем плече.

УТКИ НАД ВОЛГОЙ

Наскучила вода и берега:
С утра в пути, а птиц нигде
не видно.
По берегам пригорки и луга
Нам, грешным, улыбаются ехидно.
И в этой леденящей тишине
Над лодкой шумно утки
пролетели.
И так легко на сердце стало мне,
Как будто гимн весне они
пропели.

ПРЕДАННОСТЬ

Метнулись бабы, громко взвыли,
По всем телам прошел озноб,
Когда к хозяину в могилу
Собака прыгнула на гроб.

Вся напружинившись в отваге,
Ощерив до предела пасть,
Стояла там, внизу, дворняга,
Готовая на всех напасть.

И ни дреколием, ни обманом
Нельзя беде никак помочь.
Лишь извлеченная арканом,
Она ушла, шатаясь, прочь.

Ирина ШАЛЯПИНА

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

95-летие Ф. И. ШАЛЯПИНА

В своих воспоминаниях отец писал:

«Да, признаюсь, была у меня во Владимирской губернии дача... втроем строили мы этот деревенский мой дом... Рисовали, наблюдали, украшали.

Был архитектор, некий Мазырин. По-дружески мы звали его Анчуткой, а плотником был всеобщий наш любимец той же Владимирской губернии — Чесноков, и дом уже был выстроен, смешной, по-моему, несуразный какой-то, но уютный, приятный, а благодаря добросовестным лесоторговцам, срублен был, точно скован из сосны, как из красного дерева!»

Сооружена была эта дача по эскизам художников К. Коровина и В. Серова.

Стояла она на берегу реки Нерль, среди лесов сосновых и милых русскому сердцу березок. В свободное от летних гастролей время отец любил отдыхать в своем Ратухино. Участок этот принадлежал сначала близкому другу отца художнику К. А. Коровину, но он перебрался на околицу деревни Охотино, что в полутора верстах, и там среди вековых деревьев построил себе небольшой деревянный домик.

С утра, бывало, напившись чаю и топленого молока, отведав деревенской «туболки» (ржаной лепешки), отправлялись мы с отцом в гости к Коровиным. Шли через поле; как море, колыхалась желтая, спелая нива. Отец рассказывал нам, что в детстве мать его, Авдотья Михайловна, пела часто песню «Нива, моя нива, нива золотая». Как-то он спросил у нее: «Что это за нива золотая?» Мать ответила: «Золото — это деньги такие». «А у нас они есть?» — спросил мальчик. «Нет, деньги у богатых». О своем безрадостном детстве он рассказывал нам часто.

У Коровиных всегда радушно встречали нас сам Константин Алексеевич, его красавица жена Анна Яковлевна и сын Леша, мой сверстник. В мастерской пахло красками, скипидаром. Всюду стояли подрамники, холсты, на мольберте — незаконченный этюд; на столе — в беспорядке вазы, старинные фарфоровые чашки, канделябры со свечами, цветы. Рядом на табурете — тюбики с красками, палитра, кисти — сказочный мир художника!

Из мастерской дверь вела на террасу, где хранилось богатство Коровина-рыболова — сохли снасти, стояли удочки, аккуратно сложенные, спиннинги, сачки и еще много замысловатого снаряжения, вызывавшего неизменно восторженную зависть отца.

Визит, как правило, заканчивался разговором о предстоящей рыбалке. Излюбленным местом у них была мельница «Новенькая», что верстах в десяти от Охотина.

На следующий день чуть свет мы выходим с отцом на крыльцо; еще сыро, и дорога подернута туманом. Но вот откуда-то издали доносится звон бубенцов, и к даче несутся плетеные, крытые черным лаком тарантасы. В них сидят Коровин и часто приезжавший к нему из Москвы художник В. А. Серов. Забрав палатку и съестные припасы, рыболовы покидают нас дня на три.

...С той поры много воды утекло, но сохранились в архиве пожелтевшие фотографии. На одной — рыбалка. С наслаждением пробует Федор Иванович только что сваренную в котелке уху, а Коровин наблюдает за ним. На рыбалке отец очень любил слушать русские песни, которые пел ему мельник Никон Осипович,— о тяжелой русской крестьянской доле, «Кручинушку» и другие, все печальные, хватающие за душу. Пели они и вместе, на два голоса, да так хорошо, что стоявшие рядом работники-помольцы смахивали украдкой слезы.

Вот так и отдыхали эти великие художники — с народом, с природой.

ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА ЭКРАН

Любители кино — хотя, конечно, не все — знают, что каждый новый фильм далеко не сразу появляется на экране.

Перед встречей со зрителем киноленты проходят еще довольно долгую стадию дополнительной и, кстати говоря, весьма трудоемкой работы. С фильма снимают копии: размножают ленту для того, чтобы показывать ее одновременно во многих кинотеатрах. Фильм дублируют — в том случае, разумеется, если он сделан на республиканской студии или вообще в другой стране.

Сегодня мы хотим несколько ускорить, вернее, предварить знакомство зрителей с новыми картинами.

Итак, фильмы перед выходом на экран!

1 ФИЛЬМ РАССКАЗЫВАЕТ О ЛАЗО

Биография Сергея Лазо столь богата событиями, что полно изложить ее в пределах одной картины невозможно. Молдавские кинематографисты пошли по иному пути: их фильм состоит из четырех новелл. Это словно страницы жизни героя, воссозданные образным языком кино. Авторы фильма (сценарий Георгия Маларчука, режиссер Александр Гордон) ставят своей целью показать Лазо, его высокую принципиальность и твердость в борьбе за утверждение власти Советов.

Новелла первая: «Красноярск, июнь 1917». Прапорщик Сергей Лазо, недавний студент, сын крупного помещика, представитель знатнейшего дворянского рода Молдавии, переходит на сторону революции.

Энергичный военачальник является примером для своих солдат.

Человеком высокого благородства видим мы его во второй и третьей новеллах: «Иркутск, декабрь 1917» и «Забайкалье, 1918»,— рассказывающих о том, как Лазо во главе красногвардейского отряда был послан к иркутским большевикам на помощь в подавлении контрреволюционного восстания... Уже в качестве командующего фронтом 24-летний Лазо направляется в Забайкалье — на ликвидацию банд атамана Семенова.

Последняя новелла: «Владивосток, 1920». Здесь Лазо выступает как дипломат и политик, по-прежнему верный своим идеалам.

Раненого Лазо схватили во Владивостоке и на станции Муравьево-Амурская (ныне станция Лазо) живым бросили в топку паровоза...

Зритель увидит на экране яркий образ Сергея Лазо, созданный талантливым артистом Каунасского театра Регимантасом Адомайтисом. Он очень похож на Лазо.

М. БЕЛЯВСКИЙ

2 ОДИН ИЗ САМЫХ ПЕРВЫХ

Безмятежные приморские пейзажи Болгарии...

Работают на полях болгарские виноградари...

Чернобородый богатырь ведет за руку хрупкую, белолицую, сероглазую барышню охотничьими тропами к морю: небезопасно ходить им по улицам Варны — Конкордии Самойловой и ее провожатому, болгарскому патриоту Ивану Загубанскому. Им обоим партией поручено нести в народ «Искру», слово Ленина...

Первая встреча Ивана с Конкордией. И с тех пор теплеют при этом имени глаза молодого болгарина. А она, неопытная, доверчивая, и не замечает, что где-то совсем рядом полицейские ищейки. Они уже напали на след!.. Студент Докумыга, жених Конкордии, крепко сидит на крючке умного старого полицейского; хорошо знает свое дело этот царский бульдог! Молодые-то наглые, тупые офицеры ничего дальше своего носа не видят — как же не провести их вокруг пальца такому опытному подпольщику, как Загубанский... И любуется старик удалым парнем и даже где-то хотел бы, может быть, помочь ему, но... служба!

Артист Е. Леонов в образе полицейского прекрасно совмещает черты и хитрого «добряка» и прожженного, закоренелого царского холуя.

Загубанского и Конкордию ждет тюрьма! Но «Искра» доставлена рабочим.

Фильм «Первый курьер» — совместная работа советских и болгарских кинематографистов. Картина посвящена светлой памяти реально существовавшего болгарского революционера, патриота, отдавшего свою жизнь делу Ленина.

Яркая, поистине фантастическая деятельность этого замечательного человека, подпольщика, ленинца, так интересно показана на экране и увлеченно сыграна артистом Стефаном Данаиловым, что самая мысль о смерти его героя кажется неправдоподобной.

Мыслью о бессмертии человека, о бессмертии подвига проникнуто все киноповествование. Образ Загубанского героически приподнят, а вместе с тем видно, что это наивный, добрый, по-молодому отчаянный человек, с горячими, озорными глазами и атлетической внешностью спортсмена.

Фильм, утверждающий победу того великого дела, которому служит герой, заставляет нас еще и еще раз преклониться перед величием свершений первых друзей революционной России. Первых соратников Ленина...

Н. ЗЫБИНА

3 АЙ ДА СВЕТА!

Вы только посмотрите на эту девчушку! Ее зовут Света Коростелкина. В картине «Анютина дорога», поставленной на студии «Беларусьфильм» режиссером Л. Голубом по сценарию К. Губаревича, она играет заглавную роль.

Я думаю, вы удивитесь еще больше, когда узнаете, что полнометражный фильм об Анютиных приключениях в годы гражданской войны рассчитан не только на детей. Его с удовольствием посмотрят и взрослые.

Все те невероятные вещи, которые одна за другой происходят на экране: погони, поджоги, встречи и расставания, потери и находки, жестокие схватки,— шестилетняя Света Коростелкина, оказавшаяся великолепной «актрисой», делает истинно правдивыми, трогательными.

Благодаря чудесной игре девочки, которая во всех сложных ситуациях ведет себя на редкость искренне, фильм, я уверена, получит признание самого широкого зрителя.

Н. ТОЛЧЕНОВА

4 ДЕДУШКА, ЙОЖАНЕК И КИЛИАН

Родители пятилетнего Йожанека уезжали в Лондон, а мальчика оставили в Праге у соседки. Против этой женщины и особенно ее дочки мальчик ничего не имел, но согласитесь, что для мужчины такое общество, да еще надолго...

А в деревне — дедушка, бывалый моряк. Правда, теперь он уж старый и не плавает больше по морям, а живет в маленьком домике на берегу речки. Когда приходит сезон, они ходят ловить угрей, потом ездят с Килианом на рынок. Килиан — это дедушкин осел.

План побега созрел мгновенно! Дедушка, притворно ворча, сочинил телеграмму в Прагу соседке, и жизнь в маленьком домике забила ключом: одинокий старик будто сбросил с плеч десяток лет!..

Неторопливо, в удивительно мягкой и лиричной манере, с большим юмором и теплым вниманием к каждой житейской мелочи, характеризующей героев, ведут свой кинорассказ чешские кинематографисты Иржи Гайнбах и Ян Риска; по стройной литературной канве четко ложится режиссерский и актерский рисунок. В уголках предместья Праги, по живописным берегам речки и лесным тропинкам притаилась та сказочная романтика, с которой начинаются все настоящие — и детские и взрослые — мечты.

Пусть не думают родители, посмотрев фильм «Дедушка, Килиан и Йожанек», что все мальчишки убегут из дома! Но мечтать он заставит и взрослых...

Н. СВОБОДИНА

5 «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ»

Какой была Лиза Пыляева — одна из тех, кто создавал Социалистический союз рабочей молодежи?

Если бы не новый фильм «Татьянин день», поставленный на студии имени Горького режиссером И. Анненским по сценарию Н. Оттена, трудно было бы ответить на такой вопрос. А сейчас видишь Лизу ожившей в образе Тани Огневой. Это убежденный революционер, великолепный организатор и конспиратор, человек настойчивый и предприимчивый. Она находит выход из любых ситуаций. И всегда личный пример помогает ей увлекать за собой молодежь.

Пестрой была по составу петроградская ячейка революционно настроенной молодежи. Тут и рабочие парни с фабрик и заводов, и подростки-подмастерья, рано приобщившиеся к труду, кухарки и «кухаркины дети», гимназисты и гимназистки и даже анархисты... Первые организационные собрания происходят где-то в парках и скверах, во время прогулок, безобидных с виду. А потом бои...

Много событий происходит в фильме. И все время в центре остается Людмила Максакова, актриса Театра имени Вахтангова, исполняющая роль Татьяны Огневой. Вы видите ее в кадре из кинофильма «Татьянин день».

Г. КОВАЛЕНКО

Пошли за горючим...

Улыбки зимы

Перестраховщик.

Фото Ю. КРИВОНОСОВА и Б. КАВАШКИНА.

Заморские гости.

Живут же люди...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663